

UDK 811.161.1'366.52:81'27

Борис Юстинович Норман (Boris Justinovič Norman | Boris Yustinovich Norman)

Белорусский государственный университет (Беларусь)

Уральский федеральный университет (Российская Федерация)

boris.norman@gmail.com

РОД В ЯЗЫКЕ VS. ГЕНДЕР В СОЗНАНИИ (КОГНИТИВНЫЕ И СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)¹

В статье исследуется соотношение между лексическим значением слова и его грамматическим родом в русском языке. Приводятся примеры, показывающие, как человек пытается систематизировать окружающий мир в соответствии со своими гендерными стереотипами; для этого он использует показатели грамматического рода.

Ключевые слова: пол, гендер, грамматический род, русский язык

This article investigates the relationship between the lexical meaning of a word and its grammatical gender in Russian. Examples are furnished to show how a person tries to systematize the surrounding world in accordance with his/her gender stereotypes; to do this, he/she uses markers of grammatical gender.

Keywords: sex, gender, grammatical gender, Russian language

Среди «проблемных» точек пересечения биологической категории пола, психологической категории гендера и грамматической категории рода отметим прежде всего девиации, нарушающие, казалось бы, ясное противопоставление полов (это явление гермафродитизма). В понятийной и культурной сфере сложности проявляются в таких категориях людей, как трансвеститы, трансгендеры, гомосексуалисты... Физиологические аспекты перекрещиваются с социопсихологическими и порождают проблему гендерной идентичности.

Гендерные стереотипы заключают в себе комплекс соответствующих культурных и психологических ценностей: для мужского образа – это сила, жесткость, рациональность и т. д., для женского – эмоциональность, обаяние, кокетство и т. д. Типично «женские» сферы – это шоппинг, кулинария, воспитание детей и т. п.; типично «мужские» – техника, оружие, охота и рыбалка... Они находят свое выражение в специализированных изданиях («мужских» и «женских» журналах), в торговой рекламе, ориентированной на мужчин или на женщин, в брачных объявлениях и других формах самопрезентации. С детства формируются и этические ориентиры, и цветовые предпочтения, и т.п. Неудивительно, что на сей базе со временем вырастают такие общественные феномены, как сексизм и гендерная политкорректность.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

Даже такое понятие, как счастье, оказывается гендеризованным. Поиск в русскоязычной системе Yandex дает 63 млн результатов на запрос *женское счастье* (кроме цветка с научным названием спатифиллум, есть кинофильм «Женское счастье»), одноименная эстрадная песня, жилищный комплекс в Ленинградской области, целый сайт, реалити-проект и т. д.). Та же поисковая система на запрос *мужское счастье* дает только 16 млн результатов, в четыре раза меньше (в подавляющем большинстве это народное название цветка антуриум).

Важным средством «мужского» и «женского» освоения мира является язык. Давно замечено и описано своеобразие маскулинного и фемининного вариантов («гендерлектов») русской речи: оно касается употребления эмоционально окрашенной лексики, сравнений, архаизмов, эвфемизмов, диминутивов, инверсии и др. (см.: Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Безрогов 2002; Еремин 2006 и др.).

Гендерные пресуппозиции прослеживаются и в распределении форм глагольного лица. Возможно, они отражают психологически различное отношение мужчин и женщин к таким глубинным свойствам ситуации, как «акциональность» или «стихийность»:

Будь мужчиной или женщиной. Никогда женщина не скажет – **сломала** (кроме ногтя) или **разбила** (кроме тарелки), всегда будет – **сломалось** или **разбилось** – само. Мужчина, напротив, ищет причины своих неудач в себе. (А. Забавчик. Что по-настоящему дорого)

Язык, по-своему преломляя биологические, культурные и психологические проблемы пола, добавляет к ним свои сложности. Кроме исторически мотивированных названий мужского и женского рода, обозначающих живые существа, категория рода охватывает и слова с предметной или отвлеченной семантикой. Наиболее же очевидна такая внутриязыковая специфика у слов среднего рода. Этот род – психологически самый «слабый», потому что за ним нет никакого биологического «фона», никакой денотативной поддержки (Норман 2018: 236–237).

Онтологическую специфику категории рода легко показать на материале русского языка. Здесь, в частности, представлены такие исключения, как существительные, вообще не имеющие рода (это слова, употребляющиеся только во множественном числе: *очки, помои*), несклоняемые существительные (*виски, хинди*), имена, изменившие свой род (*фильм, санаторий*), слова, колеблющиеся в роде или имеющие родовые варианты (*туфель – туфля, компонент – компонент*). Наконец, быстро прогрессирующим подклассом в русском языке являются существительные общего рода, обозначающие как мужчин, так и женщин (*неряха, директор*). Упомянем здесь также разнობой в обозначении животных по полу: одни из них образуются от одного корня, как *козел* и *коза*, другие – от разных, как *курица* и *петух*. При этом в обыденной речи носитель языка предпочитает многим видовым наименованиям – родовые (гиперонимические), типа *кошка, собака*, и в то же время легко допускает образование пар типа *тигр – тигра, клоп – клопа, такса – такс, обезьяна – обезьян* и т. п.

Самый интересный в данном плане вопрос – это как соотносятся между собой лексическое значение слова (значение его основы) и грамматическое значение рода: есть ли между ними внутренняя связь? Процитируем на этот счет вузовский учебник:

«Грамматическое значение родовых показателей в общей семантической структуре слов типа *деревня* или *лес* как бы «зачеркивается», аннулируется под влиянием семантики основы. Однако нельзя сказать, что у неодушевленных существительных показатели рода в принципе незначимы – можно говорить лишь о временном «зачеркивании» грамматических значений под влиянием основы» (Касаткин 2001: 524).

Последняя оговорка означает, что грамматический род все же представляет собой повод для искусственной «гендеризации» окружающей среды. Не случайно для русского человека упавшая на пол вилка знаменует приход женщины, а упавший нож – визит мужчины (это распространенная примета). Гендерная метафоризация грамматического рода, по сути, безгранична. Она распространяется и на географические названия, ср.: *Волга-матушка* и *Амур-батюшка*, *Москва* (как «баба») и *Петербург* (как «джентльмен»), *Россия* и *Китай*...

В художественной литературе можно найти массу примеров анимизации явлений природы, артефактов или чувств, при которой «пол» этих явлений осмысливается на основании грамматического рода слова-названия. Приведем две цитаты.

Многие музыканты воспринимают скрипку как любовницу... Мне кажется, скрипка – женщина, и отношения с ней если не эротические, то чувственные. (С. Спивакова. Не всё)

Автор дневника по определению мужчина, так же как сам дневник – мужского рода. Другое дело – записки. Они кокетливо прячут свой женский род во множественном числе. Дневник – серьезен и благороден. Записки – болтливы и необязательны. Записки – личное дело, а с дневником возникают определенные «отношения». (П. Басинский. Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой)

Добавим к этим цитатам наблюдение над ставшим уже крылатым выражением «У войны – не женское лицо». Это заголовок книги белорусской писательницы Светланы Алексиевич (одной из книг, за которые она получила Нобелевскую премию), и он подразумевает, что в массовом представлении война – это женщина (об этом говорит грамматический род слова). На антитезе «женщина – не женщина» и основана вся идея заглавия.

В мифологии хорошо известны и давно описаны архетипические противопоставления типа «день – ночь», «огонь – вода», «гром – молния», подтверждаемые оппозицией грамматического рода (см., например: Буслав 1959: 299–305; Якобсон 1987: 37; Гин 1996: 55–61). Мифопоэтическое сознание легко «гендеризует» понятия, обладающие такими признаками, как «большое», «сильное», «грубое» – это укладывается в комплекс «мужскости»; «маленькое», «слабое», «нежное» – это

работает на женский образ. Но стимулом, «затравкой» для такого осмысления часто является грамматический род существительного.

Русский религиозный философ начала XX века С. Л. Франк писал о случаях метафоризации (анимизации) грамматического рода не без сарказма: «... Умудренный философ оказывается – с обратным знаком – на уровне мысли дикаря, для которого всякий предмет, обозначаемый существительным мужского рода, тем самым уже ощущается как одушевленное существо мужского рода, как некий “дух”» («Непостижимое»).

И, тем не менее, ситуации, в которой грамматический род порождает пол (а точнее, гендер в сознании) – это реальность, с которой имеет дело обычный человек. Представим себе мультфильмы или детские спектакли, в которых действуют предметы вроде умывальника или мочалки – внешний вид и тембр голоса этих персонажей будут всецело определяться грамматическим родом названия. По свидетельству Р. Якобсона, «носители русского языка, которых просили провести персонификацию дней недели, представляли понедельник, вторник, четверг как лиц мужского пола, а среду, пятницу, субботу – как лиц женского пола, не отдавая себе отчета в том, что такой выбор был обусловлен принадлежностью первых трех названий к грамматическому мужскому роду, а трех вторых – к женскому» (Якобсон 1985: 366).

В своих попытках «гендеризовать» окружающий мир человек подсознательно опирается на известные ему факты. Он знает, что названия деревьев относятся или к мужскому (*дуб, клен...*), или к женскому (*береза, рябина...*) роду (почти не встречается названий деревьев среднего рода). Он также интуитивно ощущает, что названия пластинчатых грибов в большинстве своем – женского рода (*сыроежка, лисичка...*), а названия губчатых – в основном мужского (*боровик, подосиновик...*). В русских антропоморфных пословицах предметы отражают черты мужского и женского характера, а также особенности сексуальной и семейной жизни, ср.: *Сто топоров – вместе, а две прялки – врозь; Помутилась вода с песком* (о ссоре супругов – примечание В. Даля); *О том и кукушка кукует, что своего гнезда нет; Топор заплакал, услышав о смерти пилы* и т. п.

Некоторые подтверждения этим неявным представлениям можно найти и в сфере товарных знаков. Вспомним, что когда носитель русского языка еще не был избалован обилием иностранной бытовой техники, для него были естественны словосочетания вроде *холодильник Саратов, пылесос Вихрь, стиральная машина Вятка*, в которых грамматический род названия соответствовал роду опорного слова (*холодильник, пылесос, машина*). Впрочем, соответствие рода товарного знака роду опорного слова носит не жесткий, статистический характер, и языковые признаки названия, конечно, не шли и не идут ни в какое сравнение с потребительскими достоинствами товара – с его ценой, долговечностью и внешним видом.

Интересно также, влияет ли смена рода на лексическое значение существительного. В свое время А. А. Потебня, разбирая сочинение К. Бругманна, замечал по поводу смены рода в истории русского слова *лебедь*: «Вместе с грамматическим родом изменяются и воззрения на обозначаемое» (Потебня 1968: 483). Так ли это? Можно ли это считать общим правилом? Историческая смена номинаций *фильма* (ж. р.) на *фильм* (м. р.) или *санатория* (ж. р.) на *санаторий* (м. р.) не повлекла за собой изменений в денотативной структуре значения, а лишь сопровождалась стилистическими переоценками. Когда на смену названию *электронно-вычислительная машина (ЭВМ)* пришло в русском языке название *компьютер*, то это отразило ход технического прогресса и узуализацию данного понятия, но перехода от «женского» к «мужскому» характеру устройства пользователя, кажется, не ощутили.

В целом же соотношение лексического значения слова с его грамматическим родом достаточно сложно. Переводчица М. А. Колпакчи делится своими впечатлениями от английского языка (в котором рода в привычном нам смысле слова нет):

Близкие сердцу или жизненно необходимые предметы, как, например, скрипка для скрипача, трость для хромого и т.д., в устах владельцев стали очеловечиваться, принимая любой род. Журналист, для которого пишущая машинка – не предмет, а «незаменимое», скажет о ней *he* или *she* в зависимости от собственного пола (Колпакчи 1978: 53).

Возможно, желание говорящего «пометить» предметы, составляющие его личную сферу, признаком собственного пола, – не такая уж редкая вещь. Так, Анна Ахматова, по воспоминаниям современников, предпочитала устаревший вариант *ботинка* (ж. р.) современному *ботинок* (м. р.); она же настаивала на варианте *туфля* против *туфель* – и это при том, что не любила по отношению к себе слова *поэтесса*. «Я – поэт!» – говорила она. Навязывание говорящим своей гендерной точки зрения окружающим предметам может принимать и окказиональные языковые формы, ср.:

Я тебя не буду добиваться
и, склоняясь, буду уклоняться,
как на мокром лобовом стекле
дворничиха

(В. Павлова. Письма в соседнюю комнату).

Вчера были на катке, я корова, то есть **коров**. **Коров** на льду, меня учит скользить моя звездулечка, моя сказочная фигуристочка (Н. Андреева. Правая рука смерти; рассказ ведется от лица мужчины).

Еще пример – из популярного фильма-сказки «Варвара-краса, длинная коса» (сценарий М. Чуприна при участии А. Роу). Речь идет об инвентаризации мебели во дворце:

- Пересчитали? Дальше пишите. Наименование предмета?
- Троны.

- Количество штук?
- **Две троны.**
- Отставить. Эх ты, грамотей! «Две троны»... Трон мужского рода.
- А я так понимаю, царь-батюшка. Царский трон мужского рода, а царица – женщина.
- Женщина...
- Стало быть, царицын трон женского рода.
- Цыц! Хотя и полемично, но логично. Убедил. Так и пишете: трон один и **трона одна.**

Окказионализмы *дворничиха* вместо *дворник* 'стеклоочиститель', *коров* вместо *корова*, *трона* вместо *трон* свидетельствуют о «живости» гендерных противопоставлений в сознании носителя языка. Грамматический род оказывается одним из средств антропоморфной организации окружающего мира (другие примеры см.: Норман 2006: 168–169).

Мы не видим ничего удивительного в том, что писатель или художник, вживаясь в плоть своего персонажа, начинает себя с ним отождествлять. «Мадам Бовари – это я», – говорил, согласно известной легенде, Г. Флобер. Известны и случаи (Жорж Санд), когда писатель официально примерял к себе чужую гендерную «личину». Впрочем, опытного читателя обмануть вряд ли удастся. Так, Владимир Набоков укорял писательницу, пытавшуюся скрыться за мужским именем: «О милостивая государыня, о госпожа Сергей Солнцев, как легко угадать, что имя автора – псевдоним, что автор – не мужчина!» («Адмиралтейская игла»).

Важно, однако, что и обычный человек склонен переносить на детали личной сферы свое гендерное «я», свой «мужской» или «женский» взгляд на мир. Как же говорящий ведет себя в условиях, когда он обладает относительной свободой выбора грамматического рода? Имеется в виду ситуация вторичной номинации, встречающаяся, в частности, при анафорической отсылке. Если в тексте упоминалась, скажем, разруха, то далее о ней может быть сказано: *спутница войны*. Если же ранее речь шла о голоде, то он может получить описательное наименование *спутник войны*. Таким образом предметам и явлениям приписываются отношения, свойственные людям. Это может быть статус брата, матери, дочери, спутника, служанки, должника, наследницы и т. д.

Два примера из публицистических текстов.

Один из лодочников попросил меня сбегать в магазин за папиросами. Когда я вернулся, то ни лодки, ни гармони на месте не было. <...> То был серьезный удар, ведь я лишился не просто инструмента, а своей кормилицы. Купить новую гармонь и не мечтал (газета «Труд», 20.09.2007).

Отсылка к слову *гармонь* (ж. р.) заставляет говорящего выбрать описательное наименование *кормилица*. В противном случае, при отсылке к слову *инструмент*, было бы, очевидно, выбрано название *кормилец*.

... Нам снова пытаются внушить, что грабят и гнобят нас врачи и учителя..., а не ГАИ, допустим, где совсем уж забыли о тормозах, и не прочие силовые инстанции, давно превратившиеся из защитников малого стада в его беззащитных дояров («Труд», 24.07.2008).

Почему в конце цитаты упоминаются *дояры*, а не более частые в русском языке *доярки*? Естественно, только потому, что ранее шла речь о «защитниках (м. р.) малого стада».

Значит, есть ситуации, в которых выбор номинации – *кормилец* или *кормилица*, *красавец* или *красавица*, *соперник* или *соперница* и т. п. – обусловлен не свойствами денотата, а исключительно грамматическим родом того слова, к которому отсылает это название. Некоторые ученые в связи с этим даже говорят о грамматическом роде как словоизменительной категории (Миртов 1946; Брагина 1981: 74).

Если речевое поведение человека характеризуется значительной степенью раскованности, то и возможности соотнесения слов по роду расширяются, ср.:

Государство, оно **не дура** (т. е. **не дурак**... тоже неверно, но как сказать – **не дуру**, что ли?), оно у нас привыкло, что с частника надо драть, иначе обнаглеет (А. Слаповский. Синдром Феникса).

Любопытный материал дают также русские загадки, метафорическая природа которых отсылает носителя языка к грамматическому роду ключевого слова. Сравним две загадки: *Сидит девица в темнице, а коса – на улице и Сидит дед, в сто шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает*. Почему здесь морковь «шифруется» как девица, а лук – как дед (а не наоборот)? Ответ ясен: грамматический род существительного-денотата предопределяет выбор метафорической номинации.

Можно предположить, что в массовом языковом сознании грамматическое значение рода воспринимается как составная часть лексического значения слова или, во всяком случае, как нечто тесно с ним связанное. Проверить эту гипотезу можно именно в той ситуации, когда говорящий обладает определенной свободой в выборе номинации – в ситуации вторичного наименования. Здесь метафоризация грамматического рода приобретает системный характер.

Материалом для наблюдений послужат нам в данном случае факты русскоязычного уголовного жаргона. В «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» (СТЛБЖ 1992) есть идеографическая часть, в которой каждому понятию «блатной» сферы приводится в соответствие ряд жаргонных номинаций. Одна из самых важных тем здесь – это наименования, связанные с сексуальной жизнью.

Например, для обозначения понятия penis в русском жаргоне существуют вторичные названия *аппарат, балда, балун, банан, болт, вафля, вексель, вентиль, генератор, елда, инструмент, клык* и т. д. Для обозначения vulva – наименования *гитара, дразнилка, империя, касса, королек, костянка, котлета, кунка, лоханка, мохнатка, мочалка* и т. д. Любопытно соотношение этих образных наименований (по сути своей эвфемизмов) по грамматическому роду. Естественно, биологический признак мужчины обозначается, как правило, существительным мужского рода. Таких слов тут оказалось 56 в противопоставлении названиям женского рода (которых всего 22). Среди жаргонных обозначений женского полового органа, наоборот, подавляющее большинство – существительные женского рода: 42 против 14 слов мужского рода. (При этом подсчеты не учитывали единичных существительных среднего рода или грамматически неясных названий типа *хами* или *шму*.) Это совершенно закономерно: символ биологического пола, присутствующий в человеческом сознании, естественно коррелирует с грамматическим родом вторичных наименований.

Правда, с учетом приведенных выше количественных соотношений можно сказать, что строгой, однозначной связи тут нет. Вспомнив приведенную выше цитату, согласимся с тем, что лексическое значение подавляет, «зачеркивает» здесь грамматическое. Однако заметим, что существуют психологические предпочтения или, наоборот, смущения, которые неожиданно проявляются в каких-то особых ситуациях. Так, по свидетельству девочки 12-13 лет, проходящей в школе курс ботаники, ей мешало запомнить названия частей цветка – *тычинка* и *пестик* – то обстоятельство, что их грамматический род противоречил биологической спецификации (*тычинка* – мужской орган, *пестик* – женский).

Некоторым образом сходная ситуация представлена в следующей литературной цитате:

Отец называл фамилии, начав перечислять с Хрущева. К виду вождя-мужчины маленькая девочка, очевидно, уже привыкла за свою крохотную к тому времени жизнь. Встретившийся в галерее на фасаде женский образ девочку почему-то смутил. И она спросила:

– Папа, а **Фурцева тоже вождь?** (А. Рубинов. Интимная жизнь Москвы).

Мы видим, что между биологическим полом и грамматическим родом существует не только прямая связь (заключающаяся в том, что пол изначально «мотивирует» род), но и обратная, проявляющаяся в стремлении человека расширить объем данного соответствия. А посредником в перераспределении отношений между полом и родом оказывается психологическая категория гендера.

Внутренняя противоречивость рода, неоднородность его оснований служит предпосылкой для многообразной языковой игры с данной грамматической категорией. Гендерная оппозиция, преломляясь в языковых формах, становится условной, относительной. Говорящий и слушающий могут долго балансировать на данной грани. Предпосылками к таким речевым действиям могут быть и

феминистская идеология, и желание скрыть (или, наоборот, точнее обозначить) пол существа, о котором идет речь, и эстетическая сверхзадача, и просто-напросто стремление к речетворчеству. Внутриязыковыми предпосылками в русском языке могут считаться также незакрытость и нестрогая очерченность подкласса существительных общего рода и различные возможности его согласования с прилагательными и глаголами.

В рамках описанных явлений, балансирующих на грани языковой нормы, реализуются следующие тенденции:

- а) к регуляризации выражения оппозиции биологических полов – как человека, так и представителей животного мира;
- б) к психологическому «ранжированию» трех грамматических родов: оно складывается из языковой маркированности женского рода, психологической значимости мужского рода, уничижительной характеристики среднего рода;
- в) к усилению «словоизменяющей» составляющей рода в случаях вторичной, метафорической номинации;
- г) к проявлению языкового «креатива», т. е. относительной свободы носителя языка в использовании форм рода. Последнее, в частности, касается расширения в русском языке круга существительных общего рода и особенностей их согласования с прилагательными, местоимениями и глаголами.

Все это позволяет говорящему и слушающему вести многообразную коммуникативную игру, в которой категория рода, кроме выполнения собственно грамматических обязанностей, реализует свой богатый прагматический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

- В. БЕЗРОГОВ, 2002: Гендер, язык, память: размышляя над российскими автобиографиями XX века. *Gender-Forschung in der Slawistik*. Ed. J. van Leeuwen-Turnovcová et al. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 55. Wien. 311–19.
- [V. BEZROGOV, 2002: Gender, jazyk, pamjat': razmysljaja nad rossijskimi avtobiografijami XX veka. *Gender-Forschung in der Slawistik*. Ed. J. van Leeuwen-Turnovcová et al. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 55. Wien. 311–19.]
- А. А. БРАГИНА, 1981: Наблюдения над категорией рода в русском языке. *Вопросы языкознания* 5. 68–78.

- [A. A. BRAGINA, 1981: Nabljudenija nad kategorijej roda v ruskom jazyke. *Voprosy jazykoznanija* 5. 68–78.]
- Ф. И. БУСЛАЕВ, 1959: Историческая грамматика. Москва: Учпедгиз.
- [F. I. BUSLAEV, 1959: *Istoričeskaja grammatika*. Moskva: Učpedgiz.]
- Я. И. ГИН, 1996: *Проблемы поэтики грамматических категорий*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- [Ja. I. GIN, 1996: *Problemy poëтики grammatičeskikh kategorij*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt.]
- Ф. Н. ЕРЕМИН, 2006: *Гендерные аспекты семантики языковых единиц современного русского языка (лингвистические, социологические и психологические наблюдения)*. Калуга: Издательство КГПУ им. К. Э. Циолковского.
- [F. N. EREMIN, 2006: *Gendernye aspekty semantiki jazykovyh edinic sovremennoego russkogo jazyka (lingvističeskie, sociologičeskie i psihologičeskie nabljudenija)*. Kaluga: Izdatel'stvo KGPU im. K. È. Ciolkovskogo.]
- Е. А. ЗЕМСКАЯ, М. В. КИТАЙГОРОДСКАЯ, Н. Н. РОЗАНОВА, 1993: Особенности мужской и женской речи. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. Москва: Наука. 90–136.
- [E. A. ZEMSKAJA, M. V. KITAJGORODSKAJA, N. N. ROZANOVA, 1993: Osobennosti mužskoj i ženskoj reči. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt*. Red. E. A. Zemskaja, D. N. Šmelev. Moskva: Nauka. 90–136.]
- Л. Л. КАСАТКИН (ред.), 2001: *Русский язык*. Москва: АCADEMIA.
- [L. L. KASATKIN (red.), 2001: *Russkij jazyk*. Moskva: ACADEMIA.]
- М. А. КОЛПАКЧИ, 1978: *Дружеские встречи с английским языком*. Ленинград.
- [M. A. KOLPAKČI, 1978: *Družeskie vstreči s anglijskim jazykom*. Leningrad.]
- А. В. МИРТОВ, 1946: Родоизменяемые существительные Substantiva adjectiva. *Русский язык в школе* 1. 16–9.
- [A. V. MIRTOV, 1946: Rodoizmenjaemye suščestvitel'nye Substantiva adjectiva. *Russkij jazyk v škole* 1. 16–9.]
- Б. Ю. НОРМАН, 2006: Лингвопсихологические аспекты грамматической категории рода. *Russian Linguistics*. 153–74.
- [B. Ju. NORMAN, 2006: Lingvopsihologičeskie aspekty grammatičeskoj kategorii roda. *Russian Linguistics*. 153–74.]
- Б. Ю. НОРМАН, 2018: *Прагматический потенциал русской лексики и грамматики*. Екатеринбург–Москва: Кабинетный ученый.
- [B. Ju. NORMAN, 2018: *Pragmatičeskij potencial russkoj leksiki i grammatiki*. Ekaterinburg–Moskva: Kabinetnyj učenij.]
- А. А. ПОТЕБНЯ, 1968: *Из записок по русской грамматике*. Т. III. Москва: Просвещение.
- [A. A. ROTEVŃJA, 1968: *Iz zapisok po russkoj grammatike*. Т. III. Moskva: Prosveščenie.]
- СТЛБЖ, 1992: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*. Авторы-составители: Д. С. Балдаев и др. Москва: Края Москвы.
- [STLBŽ, 1992: *Slovar' tjuremno-lagerno-blatnogo žargona (rečevoj i grafičeskij portret sovetskoj tjur'my)*. Avtory-sostaviteli: D. S. Baldaev i dr. Moskva: Kraja Moskvj.]

- Р. ЯКОБСОН, 1985: О лингвистических аспектах перевода. В кн.: Р. Якобсон. *Избранные работы*. Москва: Прогресс. 361–68.
[R. JAKOBSON, 1985: O lingvističeskikh aspektah perevoda. V kn.: R. Jakobson. *Izbrannye raboty*. Moskva: Progress. 361–68.]
- Р. ЯКОБСОН, 1987: Основа сравнительного славянского литературоведения. В кн.: Р. Якобсон. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс. 23–79.
[R. JAKOBSON, 1987: Osnova sravnitel'nogo slavjanskogo literaturovedenija. V kn.: R. Jakobson. *Raboty po poëtike*. Moskva: Progress. 23–79.]

POVZETEK

Biološki, psihološki in slovnični spol (rusko: пол : гендер : род) med seboj sodelujejo na zapleten način. Človek teži k temu, da prenaša svoje spolne stereotipe na obkrožajoči ga svet. V jezikovnih oblikah se spolno nasprotje prelamlja in postaja pogojno, relativno. To se posebno kaže takrat, ko govorec lahko do določene mere izbira slovnični spol, namreč pri sekundarnem poimenovanju. V članku se navaja veliko zgledov anaforičnega nanašanja, folklornih ugank in žargonskih poimenovanj. Opisani so tudi pogoji in vzroki, ki omogočajo govorniku in poslušalcu komunikacijsko igro, v kateri kategorija spola izpolnjuje svojo slovnično nalogo, razvija pa tudi bogat pragmatični potencial.

